

ДЕМОСФЕН

ИЗБРАННЫЕ РЕЧИ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 94(38)
ББК 63.3(0)32
Д31

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с древнегреческого *С.И. Радцига*

Серийное оформление *А.В. Фереца*

Компьютерный дизайн *А.А. Чаругиной*

Демосфен.

Д31 Избранные речи / Демосфен ; [перевод с древнегреческого С.И. Радцига]. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 640 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-135189-2

Основу этого сборника составляют политические речи Демосфена, в частности направленные против Филиппа Македонского. Среди них, в свою очередь, своеобразным эталоном энергичного и экспрессивного демосфеновского стиля является цикл из трех классических «Олинфских речей», произнесенных по случаю похода македонской армии на греческий полис Олинф. Также в сборник вошли и другие речи Демосфена, посвященные не только внешней, но и внутренней политике Афин, социальным и этическим вопросам.

УДК 94(38)
ББК 63.3(0)32

ISBN 978-5-17-135189-2 © Перевод. С.И. Радциг, наследники, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2021

I ОЛИНФСКАЯ ПЕРВАЯ

ВВЕДЕНИЕ ЛИБАНИЯ

(1) Олинф был город во Фракии. Жители этого места — греческого племени, родом из Халкиды, что на Эвбее; а Халкида — афинская колония. Олинф вел много славных войн. Так, он воевал в давние времена и с афинянами, когда они главенствовали над греками, а потом с лакедемонянами. С течением времени он достиг большого могущества и стал во главе родственных государств; во Фракии ведь было довольно много людей халкидского происхождения. (2) Затем олинфяне заключили союз с македонским царем Филиппом и сначала воевали совместно с ним против афинян, причем получили от македонского царя Анфемунт, город, из-за которого у македонян шел спор с олинфянами, затем Потидею, которую Филипп передал олинфянам, взяв ее после осады, хотя она принадлежала афинянам. Спустя некоторое время они стали относиться к царю подозрительно, видя быстрый и значительный рост его силы, а с другой стороны, ненадежность его образа мыслей. Воспользовавшись его отсутствием, они отправили послов к афинянам и прекратили войну против них; этим они нарушили договор с Филиппом, по которому они обязались сообща воевать против афинян и, если придут к иному решению, сообща заключить мир. (3) Филипп уже давно искал предлога для действия против них, а тут, воспользовавшись случаем, что они нарушили договор с ним и заключили дружбу с его врагами, начал с ними войну. Тогда они отправили послов в Афины для переговоров о помощи, и вот Демосфен поддерживает их, советуя помочь олинфянам. Он говорит, что спасение олин-

фян обеспечивает безопасность афинян, так как, если будут целы олинфяне, Филипп никогда не придет в Аттику, но у афинян будет возможность плыть в Македонию и там вести войну; если же этот город окажется под властью Филиппа, тогда будет открыта царю дорога на Афины. Он говорит, ободряя афинян против Филиппа, что борьба с ним не так трудна, как это представляют.

(4) Демосфен высказывается также и относительно государственных денег, советуя обратить их в военные, а не в зрелищные. И так как порядок, который был у афинян, не достаточно известен, необходимо его объяснить. В старину, когда у них еще не было каменного театра, а были сколоченные деревянные мостки и все спешили занять места, дело доходило до побоев и нанесения ран. Чтобы положить этому конец, власти афинские сделали места платными и каждому, кто хотел смотреть представление, следовало платить за это по два обола. А чтобы бедным не казалась такая плата обременительной, за каждым установлено было право получать эти два обола из казны. Так вот отсюда-то и повелся этот порядок. Дело дошло до того, что стали получать деньги не только на места, но стали вообще делить между собой все государственные деньги. (5) От этого стали халатно относиться и к военным походам. Дело в том, что в прежнее время получали плату от государства, если отправлялись в поход, а тут стали получать свою долю денег, оставаясь дома и проводя время на зрелищах и праздниках. Поэтому они уже не хотели выступать в походы и подвергаться опасностям, установили даже закон относительно этих зрелищных денег, грозивший смертной казнью всякому, кто бы внес письменное предложение отнести их на прежнее назначение и обратить в военные. Вот почему Демосфен с осторожностью дает свой совет на этот счет и, задав себе вопрос: «Что же — ты вносишь предложение, чтобы эти деньги обратить в военные?», — отвечает: «Нет, клянусь Зевсом, отнюдь нет». Вот этого достаточно о зрелищных деньгах.

(6) Кроме того, оратор высказывается и относительно гражданского войска, настаивая, чтобы сами граждане от-

правлялись в поход, а не посылали помощь из наемников, как обыкновенно делали: это-то и является, говорит он, причиной того, что дела кончаются неудачно.

РЕЧЬ

(1) Большие, я думаю, деньги дали бы вы, граждане афинские, за то, чтобы знать, какими мерами помочь государству в том деле, которое вы сейчас обсуждаете. А раз так, то у вас должна быть и охота — с готовностью выслушивать всех, кто хочет давать советы. Ведь не только тогда, когда выступает перед вами человек, зрело обдумавший какое-нибудь полезное для вас предложение, вы можете выслушать¹ и принять его совет, но на вашу долю, мне кажется, выпало еще такое счастье, что много дельного сумеют предложить вам некоторые сразу без подготовки² и вам таким образом из всего этого уже легко будет выбрать полезное.

(2) Так вот теперешний случай, граждане афинские, чуть ли не говорит живым голосом, что за те дела³ вам надо взяться самим, раз только вы думаете об их благополучном исходе. Однако мы сами⁴, посмотрю я, как относимся к ним? — не знаю уж, что и сказать⁵. Мое, по крайней мере, мнение таково, что решить вопрос о посылке помощи надо сейчас же и что надо как можно скорее приготовиться, чтобы оказать помощь отсюда⁶, — при этом смотрите, как бы не случилось с вами того же самого, что и прежде⁷; затем надо снаряжать посольство, которое должно объяснить это и быть на месте событий. (3) Ведь бояться приходится главным образом того, как бы этот человек⁸, способный на все и умеющий пользоваться обстоятельствами — где уступками, если так сложатся дела, а где угрозами (эти угрозы, естественно⁹, мо-

гут казаться правдоподобными), а то клеветами на нас и на наше отсутствие¹⁰, не повернул дела в свою пользу и не оттягал у нас какой-нибудь из самых важных основ нашего государства¹¹. (4) Впрочем, пожалуй, граждане афинские, то самое, что является наиболее непреодолимым в делах Филиппа, оказывается как раз весьма благоприятным для вас. Если он один единолично является над всем властелином — над явными и тайными делами — и одновременно вождем, господином и казначеем и везде сам находится при войске, это для быстрого и своевременного ведения военных действий имеет большое преимущество, зато для соглашения, которое ему хотелось бы заключить с олинфянами, это имеет как раз обратное значение¹².

(5) Ведь для олинфян ясно, что сейчас они¹³ ведут войну не ради славы и не из-за участка земли, а ради того, чтобы спасти отечество от уничтожения и рабства, и они знают, как он поступил с теми из граждан Амфиполя, которые предали ему свой город¹⁴, и с гражданами Пидны, впустившими его к себе¹⁵. Да и вообще, я думаю, для демократических государств тирания есть что-то не внушающее доверия — тем более когда они занимают соседнюю область. (6) Итак, граждане афинские, стóбит только вам проникнуться таким убеждением и иметь в виду вообще все, что следует, и тогда вы, я говорю, должны найти в себе решимость и воодушевление и относиться к войне теперь с таким вниманием, как никогда прежде: вы должны с полной охотой делать взносы денег, сами выступать в поход и вообще не позволять себе никаких упущений, потому что у вас уже не остается даже основания или отговорки, чтобы уклоняться от исполнения своих обязанностей. (7) До сих пор все вы твердили, что надо вовлечь олинфян в войну с Филиппом, и вот это случилось теперь само собой, да

еще при самых благоприятных для вас условиях. Действительно, если бы они начали войну по вашему настоянию, они были бы ненадежными союзниками и, может быть, лишь до поры до времени держались бы принятого решения. Но поскольку их ненависть проистекает от их личных обид, то, естественно, у них должно прочно держаться враждебное чувство за все бедствия, которых они страшатся теперь и которые испытали прежде¹⁶. (8) Так значит, если уж выпал такой благоприятный случай, вы не должны, граждане афинские, упустить его и испытать на себе то самое, что уже много раз бывало с вами ранее. Вспомните, например, то время, когда мы только что возвратились из похода, оказав помощь эвбейцам¹⁷, и когда на этой трибуне выступали амфипольцы Гиерак и Стратокл, приглашая вас выйти в море и взять под свою власть их город¹⁸; если бы мы тогда проявили такое же усердие ради собственной пользы, как перед этим для спасения эвбейцев, Амфиполь был бы тогда в ваших руках, и вы были бы избавлены от всех последовавших затем осложнений. (9) И еще потом, когда приходили известия об осаде то Пидны, то Потидеи, то Мефоны, то Пагас и всех вообще городов — не стану задерживаться с перечислением всех их в отдельности, — если бы мы тогда хоть любому из них сразу же помогли сами решительно и, как следовало, то теперь нам легче и гораздо проще было бы справиться с Филиппом. Но на деле, если нам и представляется случай, мы всякий раз упускаем его, а насчет будущего все рассчитываем, что оно устроится к лучшему само собой; таким отношением мы, граждане афинские, сами дали усилиться Филиппу и сделали его таким, каким еще не был ни один царь Македонии. Так вот сейчас хороший случай представляется нашему государству сам собой — вот этот с олинфя-

нами, и он не уступает ни одному из тех прежних. (10) И я, по крайней мере, думаю, граждане афинские, что всякий человек, если бы только стал по справедливости учитывать благодеяния, оказанные нам богами, даже при условии, что многое у нас обстоит не так, как бы следовало, тем не менее питал бы к ним великую благодарность — и естественно. Да, если мы многое потеряли во время войны¹⁹, это с полным правом можно отнести на счет нашей беспечности; если же этого не случилось с нами давно и вдобавок если вот теперь нам представился некоторый союз, способный уравновесить эти потери, — будь только у нас желание пользоваться им, — в этом я готов видеть благодеяние, ниспосланное их благоволением. (11) Но, я думаю, это похоже на то, что бывает с приобретением денег. Если человеку удастся сберечь то, что он приобрел, он горячо благодарит судьбу; если же растратит незаметно для самого себя, то утратит вместе с тем и память о благодарности. Точно так же и с государственными делами: раз люди не воспользовались правильно благоприятными условиями, они не помнят даже и о благе, если какое-нибудь выпало им по милости богов, потому что обо всех прежних делах они судят по конечному исходу. Потому и нужно вам, граждане афинские, хорошенько подумать о дальнейшем, чтобы поправить теперешнее положение и тем самым стереть с себя позор за прежние действия. (12) Если же мы, граждане афинские, оставим без поддержки и этих людей и в таком случае он овладеет Олинфом, тогда что же еще будет мешать ему идти туда, куда хочет?²⁰ — пускай-ка кто-нибудь ответит мне на это. Учитывает ли кто-нибудь из вас, граждане афинские, и представляет ли себе, каким образом сделался сильным Филипп, хотя был первоначально слабым? А вот как: сначала взял он

Амфиполь, потом Пидну, затем Потидею, позднее еще Мефону, наконец, вступил в Фессалию. (13) После этого в Ферах, в Пагасах, в Магнесин²¹ — словом, всюду, он устроил все так, как ему хотелось, и тогда удалился во Фракию. Затем там одних царей он изгнал, других посадил на престол²² и после этого сам заболел²³. Едва оправившись от болезни, он опять-таки не предался беспечности²⁴, но тотчас же сделал попытку подчинить олинфян. А его походы на иллирийцев и пеонов, против Ариббы²⁵ и еще другие, какие можно было бы назвать, я уже обхожу молчанием.

(14) «Так зачем же, — возразит, пожалуй, кто-нибудь, — ты об этом говоришь нам теперь?» — Затем, чтобы вы узнали, граждане афинские, и почувствовали обе вещи — и то, как вредно упускать постоянно из виду одно дело за другим, и то, какова та жажда деятельности, которой обладает и с какой сжился Филипп, — жажда, которая не дает ему успокоиться и удовлетвориться достигнутыми успехами. Если же он будет твердо держаться своего решения, что надо постоянно в чем-нибудь еще более развивать достигнутые успехи, а мы — своего, что ни за какое дело не сто́ит браться решительно, тогда смотрите, чем же это должно будет кончиться. (15) Скажите ради богов, кто же среди вас настолько простодушен, кто же не понимает того, что война, происходящая сейчас там, перекинется сюда, если мы не примем своих мер? А ведь если это случится, я боюсь, граждане афинские, как бы не вышло того же самого, что бывает с должниками, которые легкомысленно занимают деньги под высокие проценты, а потом, пожив короткое время в довольстве, лишаются и первоначальных денег; я и боюсь, не оказалось бы вот так же, что и нам придется дорогой ценой расплачиваться за свое легкомысленное отношение и что, стараясь все дела

устраивать к собственному удовольствию, мы будем потом вынуждены исполнять много тягостных дел, каких не хотели, да вдобавок еще с опасностью для себя бороться за целостность своей собственной страны.

(16) «Конечно, порицать-то, — скажет, пожалуй, кто-нибудь, — легко и всякий может; а вот разъяснить, как надо поступать насчет текущих обстоятельств, это есть дело советника». Правда, мне не безызвестно, граждане афинские, что часто, когда что-нибудь произойдет не так, как бы вам хотелось, вы подвергаете опале не виновных, а людей, которые последними высказывались по этому вопросу. Однако, по моему мнению, не следует все-таки ради своей только личной безопасности утаить от вас то, что я считаю для вас полезным. (17) Так вот я и говорю, что вы должны помогать делу двойким образом: во-первых, надо спасать олинфянам их города²⁶ и посылать для выполнения этой цели воинов, во-вторых, надо наносить вред *его* стране посредством триер и другого отряда воинов. Если же вы упустите хоть одно из этих условий, тогда я боюсь, как бы весь этот поход не оказался у нас напрасным. (18) Дело в том, что, если *он* сначала предоставит вам опустошать его страну и тем временем подчинит себе Олинф, ему потом легко будет, возвратившись к себе на родину, отразить вас; если же вы только пошлете помощь в Олинф, он будет видеть свою землю в безопасности и тем настоятельнее и упорнее займется осадой и в конце концов одолеет осажденных. Следовательно, помощь нужна значительная и с двух сторон.

(19) Так вот насчет оказания помощи я держусь такого взгляда. Что же касается источника, откуда взять деньги, то есть у вас, граждане афинские, деньги, есть столько, сколько нет ни у кого на свете, и они могут быть употреблены на военные нужды;

только вы берете их так себе, как вам вздумается²⁷. Значит, если вы будете отдавать их воинам, идущим в поход, вам не нужно ничего добавлять; иначе же это необходимо, больше того, необходим совершенно новый источник. «Что же, — скажет, пожалуй, кто-нибудь, — ты вносишь предложение, чтобы эти деньги обратить в воинские?» — Нет, клянусь Зевсом, отнюдь нет. (20) Я только думаю, что надо снарядить воинов, что на это нужны деньги — воинские — и что должно быть строгое соответствие между получением денег и исполнением обязанностей²⁸; вы же думаете, что надо как-то так, ничего не делая, получать деньги на празднества. В таком случае остается, я думаю, одно: всем делать взносы, когда требуется много денег, — большие, когда немного, — небольшие²⁹. А деньги нужны, и без них нельзя сделать ничего, что требуется. Но некоторые говорят еще о каких-то источниках — одни об одних, другие о других; так выберите из них тот, который вам кажется полезным, и, пока есть еще время, возьмитесь за дела.

(21) Между тем стоит представить себе и принять в расчет, в каком положении сейчас дела у Филиппа. Да вовсе не в таком хорошем, как с виду кажется и как, может быть, кто-нибудь сказал бы, не вглядываясь в них пристально, и настоящее его положение даже отнюдь не самое прекрасное. Да он никогда и не начал бы этой войны, если бы представлял себе, что придется действительно воевать; но он рассчитывал тогда, что, стоит ему только туда явиться, как сразу же захватит все дела в свои руки, и вот тут-то он и ошибся. Это прежде всего смущает его и наводит большое уныние, поскольку случилось вопреки его расчету, а затем — положение дел в Фессалии. (22) Фессалийцы, конечно, отроду никогда не внушали доверия никому из людей³⁰, но особенно не

внушали и теперь не внушают доверия ему. Вот они, например, постановили требовать у него возвращения Пагас и воспретили укреплять Магнесию³¹. А я даже слышал от некоторых, что и доходами с гаваней и рынков они уж не дадут ему больше пользоваться, потому что на эти средства, говорят они, нужно содержать общественное управление фессалийцев, а не отдавать их Филиппу. Но если он лишится этих денег, тогда крайне затруднительно будет ему содержать наемников. (23) Конечно, пеонийский, иллирийский и вообще все эти царьки, надо думать, предпочли бы быть самостоятельными и свободными, чем рабами, потому что они не привыкли кому-нибудь подчиняться, и, кроме того, человек этот, как сами они говорят, наглец. И в этом, клянусь Зевсом, может быть, нет ничего невероятного: незаслуженное благополучие у безрассудных людей становится источником высокомерия; вот поэтому и существует мнение, что сохранить достояние бывает часто труднее, чем его приобрести. (24) Итак, нужно вам, граждане афинские, понять, что всякая невыгодная сторона у него есть выгода для вас, и сообразно с этим взяться усердно всем вместе за дела, отправлять в случае надобности послов, идти в поход самим и побуждать к этому всех остальных, имея при этом всегда в виду, что было бы, если бы Филиппу представился подобный случай против нас и война началась у наших границ, — с какой охотой, — представьте это себе, — пошел бы он против нас! И неужели после этого вам не стыдно, если сейчас, когда вы располагаете удобным случаем, вы не решитесь поступать с ним так же, как он поступил бы с вами, будь только он в силах?

(25) Кроме того, граждане афинские, вам не надо упускать из виду и того, что сейчас у нас есть еще возможность выбирать, вам ли воевать там, или ему

у вас: если олинфяне будут держаться, вы будете воевать там и наносить вред его стране, без всякого страха пользуясь произведениями вот этой, имеющейся тут, вашей собственной страны; если же Филипп одолеет их, кто помешает ему идти сюда? (26) Фиванцы? Да они — чтобы не сказать про них слишком резко — и сами будут не прочь принять участие в нападении на вас³². Или, может быть, фокидяне? Это те-то, которые и собственной страны не в силах защитить, если вы им не поможете!³³ Или кто-нибудь другой? «Да нет же, любезнейший, он и не подумает этого делать!» — Однако это было бы крайней нелепостью с его стороны, если бы он, когда соберется с силами, не привел в исполнение того, чем сейчас похвально рискуя прослыть за безумного. (27) А ведь насчет того, какая разница, — здесь ли воевать, или там, — об этом, я думаю, и говорить нет надобности. Если бы, например, понадобилось вам самим пробить в походе хоть только тридцать дней и из запасов своей страны брать то, что требуется воинам в походе — при том условии, конечно, если никакого неприятеля в ней нет — тогда, я думаю, убытки ваших земледельцев оказались бы больше, чем ваши расходы на всю эту войну до сих пор³⁴. Ну, а если какая-нибудь война перекинется сюда, чего же нам тогда будут стоить — надо только представить себе это — все потери от нее? Да присовокупляются еще обиды от врагов и стыд за собственные действия, который не лучше всяких потерь — по крайней мере в глазах сознательных людей!

(28) Вот это все надо всем хорошенько понять и соответственно этому посылать помощь и отводить войну туда: богатым это нужно для того, чтобы, затрачивая пустяки ради сохранения больших средств, которыми они, к счастью, обладают, безопасно поль-

зоваться остальным; людям призывного возраста³⁵ — для того, чтобы приобрести военный опыт в стране Филиппа и стать грозными защитниками своей страны, обеспечивая ее неприкосновенность; ораторам — для того, чтобы им легко было дать отчет в их политической деятельности, так как в зависимости от того, какой оборот примут у вас дела, такими будете вы и судьями их действий. А успешными да будут они — ради общего блага!

II ОЛИНФСКАЯ ВТОРАЯ

ВВЕДЕНИЕ ЛИБАНИЯ

Афиняне приняли посольство олинфян и решили им помогать. Но ввиду того, что они медлили с выступлением и боялись Филиппа, считая трудным воевать с ним, Демосфен в своем выступлении пытается ободрить народ и показывает слабые стороны в положении македонского царя. Он говорит, что и союзники относятся к нему с недоверием, да и собственные силы его невелики, так как македоняне, в отдельности взятые, слабы.

РЕЧЬ

(1) Есть много признаков, граждане афинские, по которым можно, мне кажется, увидеть, как явно обнаруживается благоволение богов к нашему государству, но особенно это видно по теперешнему положению. Ведь в самом деле, если сейчас воевать с Филиппом собираются как раз такие люди, которые занимают соседнюю страну, располагают известными силами¹ и, самое главное, люди, которые держатся на эту войну такого взгляда, что считают всякое соглашение с ним не только ненадежным, но даже гибельным для своего отечества, — все это похоже на какое-то чудесное и прямо-таки божеское благодеяние.

(2) Значит, нужно, граждане афинские, уж самим не давать повода для такого представления о нас, будто